

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись. Скульптура. Музыка. Том второй // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952

FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0

UUID: 65658B82-0B15-40BC-BD3B-EBD8A6F6F74B

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

На выставках в Москве (1882)

(Художественная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1	0005
Комментарии	0021

В. В. Стасов

На выставках в Москве (1882)

В Москве теперь не одна выставка, а много. Всероссийская промышленно-художественная — только первая, только главная между всеми ними, самая обширная, самая многообъемлющая. Но есть в настоящую минуту в Москве и много других выставок, имеющих также немаловажное значение. Мне хочется рассказать про них читателям «Голоса», если уж не про все, то, по крайней мере, про большинство. На мои глаза, они составляют, в своей совокупности, нечто крупное и характерное.

Признаться сказать, я ехал в Москву с чувством большого недоверия. Я столько слышал и читал, еще в апреле и мае, про «неудачу» всероссийской выставки, про множество пустых мест, про массу экспонентов, просивших себе в прошлом и третьем годах места, а нынче ничего не приславших, что я представлял себе выставку в высшей степени неудавшуюся и промахнувшуюся. Каково же было мое удивление, когда я увидел собственными глазами, что доходившие до меня рассказы — вздор и пустяки, что выставка полна-полнешенька, так что негде яблоку упасть, что экс-

понентов теперь там налицо не 6000, как вначале ожидали, а, может быть, близко к 9000, и что если в каких-нибудь далеких уголках остались незанятые места, то надо ходить и отыскивать очень долго, прежде чем их найдешь и увидишь.

Но главное всего то, что нынешняя всероссийская выставка — одна из самых блестящих выставок, какие мне случалось видеть. Я даже думаю, что из всех русских выставок, какие только у нас до сих пор бывали, это самая капитальная и самая великолепная выставка. Конечно, она в иных пунктах, и очень существенных, уступает петербургской выставке в Соляном городке 1870 года и московской политехнической 1872 года, и я постараюсь указать, в чем разница; конечно, на нынешней выставке есть свои недочеты, пробелы, неудачи и неудовлетворительные стороны, всякий легко их замечает на выставке — и все-таки выставка так хороша, так полна, так красива и так значительна, что наверно поразит каждого.

Я не имею, конечно, претензии говорить о всех сторонах выставки, моя часть только ху-

дожественная и художественно-промышленная, но ведь эта часть — одна из самых важных на каждой выставке, а на нашей она играет блестящую и великолепную роль. Я не ожидал найти то, что нашел.

Что всего сильнее порадовало меня, это — непосредственное народное творчество, которое выступило на нынешний раз на выставке в таком богатстве и в такой полноте, с какими оно еще, кажется, никогда не являлось на русских выставках. Творчество это покажется, пожалуй, довольно низменным на иные глаза-тут все дело идет только о предметах так называемых «этнографических», на которые слишком многие до сих пор обращают слишком мало внимания: какое же, дескать, искусство и красота в этих кружевах, сделанных руками баб и крестьянских девок? Какое художество и какой интерес в этих мужицких изделиях из дерева, бересты, лубка или домашней шерсти, не прошедших ни сквозь какую фабрику и мануфактуру, далеких от всякого циркуля, эскиза, художественного класса и профессора? Но кто понимает творчество пошлере и давно привык находить его не

только в парадной зале с колоннами, но и в темной избе, едва освещенной волоковым окном, кто верует в него там, где оно исходит не только из рук человека, одетого во фрак со звездой, но и из рук людей, весь век проходивших в бедной рубаше или сарафане, у того в голове другая оценка, другая радость и одобрение. И с этой точки зрения нельзя, мне кажется, не сказать, что нынешняя выставка крупнее, правдивее и народнее всех наших прежних всероссийских выставок.

Другое, что мне казалось великолепным и восхитительным на московской выставке, это начинающееся участие и присутствие народа. Прежде публика таких выставок состояла только из нескольких слоев общества и кончалась разве только мещанами и мелкими торговцами. Нынче — какая разница! Пойдите по московской выставке, не только в воскресенье и праздник, когда там бывает до 30000 народа, но даже и на неделе: вы увидите такую разнообразную, такую многосоставную массу русского люда, какой, бывало, прежде никогда там и не встретишь. На выставку нынче ходит сам народ — мужики, ба-

бы, солдаты, фабричные — массами, и приходят почти всегда на целый день, с узелками и провизией, с детьми, даже грудными. Это мне напомнило то, что я, бывало, прежде видал на больших выставках в Париже и Лондоне и чего не воображал увидеть у нас на своем еще веку. А вот случилось. Время пришло — другое время, новая полоса, видно, наступает. И народ этот не ходит уже более, как в прежние времена: немногие отдельные единицы из его среды идут тихо, молча и боязненно, почтительно уступая дорогу «барам», в немоте рассматривая ту или другую картину, останавливаясь без единого слова друг с дружкой перед тою или другою витриною, столом, группой, предметом. Нет, нынче иначе: народ и сам ходит группами, маленькими обществами — как прежде, бывало, одни «баре» — и тут есть всегда не один, а несколько грамотных, бойко читающих по каталогу, пока все слушают (заметьте — по каталогу; когда же в прежние годы «простой народ» покупал и читал какие-то каталоги выставок?); группы оживлены, группы разговаривают громко и смело, кто смеется и радуется, кто хвалит, а

кто и хулит, не обращая никакого внимания на то, ходят ли кругом них другие, и слушают или нет их разговоры, их толки и споры, их похвалы и осуждения. Кто бы это подумал несколько месяцев назад: на московской выставке, в воскресенье или праздник, встретишь множество — знаете даже кого? — лапотников, которые приплелись из каких-то подмосковных мест и не побоялись заплатить пятиалтынный, чтобы побывать там, где быть им нынче нужно и интересно. Не историческое ли это событие у нас? И ведь говорят эти люди, смотрят, думают и понимать начинают. Это нова волна поднимается и идет. Как хотел бы я прожить еще лет 20 и тогда посмотреть народ на большой какой-нибудь всероссийской выставке! Каков-то он тогда будет? Как будет ходить и смотреть, как понимать и говорить? Что ему тогда будет нравиться и чего он будет не выносить и выбрасывать за борт? Да нет, не доживешь!

Наружный вид московской выставки представляет что-то красивое. Когда подъезжаешь к ней, издали видишь только группы больших и маленьких домиков, рассеянных на од-

ном куске громадного необозримого Ходынского поля, постройки то низенькие, то высокие, с возвышающимися там и сям куполами и островерхими цветными башенками. Все вместе — точно раскинувшийся в долине маленький городок, живописно построенный. Такого красивого общего вида не было ни у всероссийской петербургской выставки в 1870 году, ни у политехнической московской выставки 1872 года, да и быть не могло: петербургская выставка произошла тогда в Соляном городке, старинном запущенном здании вроде казармы или амбара, с казенным и несносным видом, куда покойный Гартман пристроил только наскоро срединный фасад в европейском приличном виде, с колоннами, арками, карнизами и статуями в греческих туниках — все больше от стыда и для приличия, чтобы хоть немножко было уж не так совестно перед входящею публикой; но и он, со всем своим талантом, эту красивую бляхой не прикрыл скудости и немощи целого остального фасада, со всех его четырех сторон. Все красивое архитектурное собралось внутри. Московская выставка 1872 года была

устроена в Кремлевском саду, по нескольким направлениям и с несколькими поворотами за углы, да притом еще раскинулась своими многочисленными и разнокалиберными постройками среди целого леса деревьев — значит никакого общего вида не могла иметь.

Нынешняя выставка первая выступает с очень изящным и живописным общим видом издали. Когда ближе подъезжаешь, впечатление на одну секунду изменяется: правда, здания — цветные, ярко раскрашены узорами и рисунками, но все-таки перед вами спина зданий, изнанка их, и нет никакого общего, крупного и величавого входа, громадного и великолепного портала, достойного представителя тех чудес и сокровищ, какие накоплены внутри выставки. Входы, с какой хотите стороны, — мизерны, приземисты и невзрачны; они столько же ничего не говорят, как всегдашние входы в любую оранжерею.

Но это неблагоприятное впечатление только на одну секунду. Едва вы войдете на выставку, вас приятно поразят крупные, стройные массы. Широко, светло — вот что вам раньше всего представится. Над головой вы-

соко поднимаются железные тонкие ребра арок; вместо потолков и кровель — сплошные массы стекла, сквозь которые так нестерпимо блещет горячее июньское солнце, что почти везде (всего более в художественном отделе) принуждены были подвесить под эту стеклянную крышу громадные полотнища холстинных вуалей, и сквозь них распространяется свет необыкновенно приятный и свежий. Правда, у этих зал внутри нет того оригинального архитектурного изящества, тех чудесно-красивых общих форм, той элегантной резьбы вверху, тех фантастических деревянных раскрашенных колонок и орнаментов, какими наполнил свою выставку в Соляном городке, в 1870 году, Гартман; нет у них и той русской национальной красоты, которою сиял русский фасад в «Rue des nations» на парижской всемирной выставке 1878 года, сочиненный г. Ропетом. Но ведь эти двое, Гартман и Ропет, были талантливые люди, с которыми не могут равняться прочие наши архитекторы. Это признают в один голос сами их товарищи. Залы нашей нынешней московской выставки, будучи каждая только прямым па-

раллелограмом, без всяких заворотов и изгибов в плане, не могли иметь того живописного вида, не могли представлять того бесконечного, изменяющегося на каждом шагу ряда перспектив, какой представляли залы парижской всемирной выставки 1867 года, у которой был план овал и, значит, все залы и галереи поминутно закруглялись перед глазами зрителя и поминутно образовывали необыкновенно красивые, уходящие вдаль перспективы линий, форм и красок. Но все-таки галереи московской выставки изящны и привлекательны и много отдаляются от той архитектуры, ничтожной и бесцветной, какою отличались в большинстве случаев наши выставки прежнего времени со включением туда же всей почти московской 1872 года.

Но главная красота выставки проявилась в самом центре ее, когда взойти в тот круглый садик, который составляет главный срединный пункт главного здания. Кто видел общий план выставки, знает, что главное ее здание представляет круг в своем плане. В самом центре его поставлен тот садик, про который я говорю, и на этот центр направляются, как

лучи, восемь больших построек, из дерева и стекла, раскрашенные яркими красками, с изящными скатами стеклянной кровли в две стороны и с золотыми орлами на вершине. Пространства между этими восьмью фасадами наполнены соединительными галереями, высотой гораздо ниже главных восьми палат; они тоже сделаны все из дерева и стекла и раскрашены по всем своим стенкам, тоненьким колонкам, карнизам и фронтонам цветистыми гирляндами и узорами в стиле «Renaissance». Эти ряды выгибающихся кругом стеклянных зданий, в красках и золоте, с лужайками, куртинами цветов и вьющимися дорожками перед ними, с красивыми терракотовыми фонтанами, высоко бьющими в нескольких местах садика, с изящною деревянного беседкой на наклоненных врозь копиях, в самой середине садика — все это необыкновенно изящно, светло, радостно, свежо. Наверно, вид садика и обступивших его строений был бы еще красивее, если б тут росли деревья, была тень и яркая зелень листвы, как это чудесно устраивали на больших выставках в Париже, Лондоне и Вене; но

привезти и посадить деревья на голом Ходынском поле, на время одной только выставки, а потом увезти их опять прочь — было бы, конечно, слишком большой жертвой и тратой. Как бы ни хороши были тут деревья, а все не следует их требовать на нынешний раз.

После главного здания, всего красивее на выставке «царский павильон», в русском стиле, с цветною башенкой впереди, с изящною русскою крышей. Но этот павильон можно, к сожалению, видеть только издали, в общем. Он обгорожен таким образом, что доступа к нему нет на значительном расстоянии. Судя по печатному каталогу, что внутри его заключается очень много изящных предметов убранства и художественного украшения: по крайней мере, лучшие московские и петербургские обойщики, мебельщики, фабриканты материй и разных художественных предметов доставили туда свои произведения.

Что касается прочих построек, рассеянных вне главного здания выставки, то между ними есть несколько красивых. Самую красивую и оригинальную постройкой я назову длинные здания, назначенные для помеще-

ния рогатого скота, лошадей и собак на время выставки. Эти здания тянутся длинной полосой в самой глубине выставки, по западной ее стороне. Казалось бы, чего ожидать от пустых сараев, по назначению своему бедных и однообразных? Но архитектор (которого имени я не знаю, равно как и имени каждого из прочих строителей всего лучшего и главнейшего на выставке — их было, повидимому, несколько) нашел возможность выказать и тут талантливость и чувство изящного. Над высокими деревянными столбиками, забранными от земли и до довольно большой высоты деревянными стенками, возвышаются высокие, крутые крыши, в несколько этажей, смотря по выступам здания, и с резьбой. Какая простая, повидимому, задача! Но вышло очень красиво, особенно среднее здание, манеж, назначенный для оценки и присуждения премий лошадям и животным, присланным на выставку. Хотя и совершенно в другом стиле и роде, но эти сквозные, воздушные здания понравились мне, по оригинальности своей, столько же, сколько, лет десять назад, понравились мне разные деревянные цвет-

ные постройки, легкие, стройные и оригинальные на венской выставке 1873 года. И тут, и там, высказалось даровитости гораздо больше, чем в разных парадных, торжественных, официальных постройках, в которых нет ровно ничего, кроме тоски и скуки. Так, например, большая концертная зала на выставке — преплохая, и снаружи и внутри. Неуклюжая, топорная, неловкая, неудобная и вдобавок ко всему с огромною лирой в глубине сцены. Ох, эти Греции и лиры! Видно нам никогда от них не избавиться, не только в школах почтенных, но даже и на выставках, даже и там, где Рубинштейна увертюры играют, где Чайковского хоры поют, где цыгане лихо поют и гикают, с присвистом и пляской. Немножко другою головой думал Гартман, когда он, десять лет назад, строил свой «народный театр» в Москве, на Лубянке. Во-первых, он его сделал ужасно красивым и оригинальным (иначе он, пожалуй, и неумел: но, может быть, именно поэтому театр потом и продали на слом и развезли по кускам!). Внутри он его весь убрал русскою деревянного резьбой и русскими красивыми кружевами: из кружев

он устроил всю драпировку лож. А потом, когда дело дошло до фронтона и, так сказать, «вывески», «заглавия» театра, он создал чудесный фронтон из оригинальной русской орнаментистики, расположенной полукругом, и внутри вставил — что? русскую дугу, изнутри которой выглядывает голова русского народного комика, глотающего паклю и рассказывающего удивительные присказки. Кругом русские народные музыкальные инструменты, красивую группой. Кому интересно, посмотри в «Мотивы русской архитектуры» г. Рейнбота за 1875 год: там все это, по счастью, воспроизведено. Я не говорю, чтобы и в «концертной зале» нынешней выставки непременно надо было повторять и дугу, и раевщика, и балалайку — нет, зачем же? Но, я думаю, можно было придумать что-нибудь поумнее, посовременнее и понациональнее, чем нелепая какая-то лира, да и вообще можно было израсходовать на эту залу, где столько перебивает народа, немножко побольше таланта, вкуса и изящества.

Кроме конюшен и манежа, мне еще показали красивыми, из отдельных павильо-

нов, киоски с колоколами гг. Финляндского и Оловянишникова. Они сквозные, на высоких всходах ступеньками, и сверх их крайних столбов воздвигаются очень оригинальные крыши — у г. Финляндского в русском стиле, у г. Оловянишникова в каком-то фантастическом, немного похожем на индийский, с взвизывающимся кверху острием. Недурен яркий цветной павильон от мельницы г. Гуревича в Одессе, с резными петухами, расписными бревнами, карнизами, кубышками и ставнями; оригинально и художественно красиво сложен, весь из глыб каменного угля, павильон в левой стороне выставки, недалеко от большого ресторана; наконец, нехуды павильоны гг. Абрикосова (конфеты и другие кондитерские изделия) и Ланина (фруктовые воды). Но, вообще говоря, отдельных павильонов мало.

1882 г.

Комментарии

«НА ВЫСТАВКАХ В МОСКВЕ». Статья впервые была опубликована в 1882 году («Голос», 30 июня, № 174).

Написана по поводу Всероссийской промышленно-художественной выставки, которая была организована в Москве в 1882 году. Восторженная оценка этой выставки — «одна из самых блестящих... какие мне случилось видеть», — вызвана рядом обстоятельств, и прежде всего тем, что на ней было представлено большое разнообразие изделий художественной промышленности. На выставке было уделено должное внимание и народному творчеству, что особенно отмечается Стасовым как положительное явление, характеризующее эту выставку по сравнению с предыдущими с лучшей стороны. Стасов любил прикладное искусство, придавал ему большое значение в жизни, в быту, упорно и настойчиво изучал его. Недооценка народного творчества, барское пренебрежение к произведениям прикладного искусства, созданным руками простых людей, всегда вызывали у Ста-

сова возмущение. Так, в обзоре петербургской выставки 1870 года, которая была организована в Соляном городке, Стасов, отмечая обилие образцов мануфактурных и промышленных товаров, начиная от пеньки, канатов, веревок и кончая продукцией завода Путилова, «буховскими пушками, ядрами, лафетами», останавливает внимание читателя на русских народных изделиях, «произведенных крестьянами по собственной их затее, без всяких рисунков и... без всяких почти инструментов». Заявив тогда, что этого рода произведений было на выставке недостаточно, Стасов обрушился на тех, кто недооценивает «народные, в высшей степени самобытные создания». «Всегда есть очень много людей, смотрящих на национальные изделия подобного рода с крайним пренебрежением — прямое следствие невежества и тупого полужнания», — писал в этой статье Стасов. Человек «с неискаленным художественным вкусом», — заявляет Стасов, — не может не понимать «оригинальность и своеобразное изящество этих созданий народного духа», «не может не любоваться на них и не ценить их». Следует подчерк-

нуть, что Стасов высоко оценивает произведения самобытного творчества всех народов, «будь они не только русские, но какие угодно: немецкие, французские, финские, калмыцкие». «Я всегда буду радоваться всему новому и прекрасному, — писал он в этой статье, — где бы с ним ни повстречался... ничуть не справляясь с премудрой табелью о рангах» («Художественные заметки о выставке» — «С.-Петербургские ведомости», 1870, 21, 23 и 26 мая и 20 июня).

Отмечая, что произведений народного искусства на выставках 1870 года в Соляном городке и Политехнической 1872 года было все же явно недостаточно, Стасов требовал: «...коль скоро дело идет о всероссийской выставке, то не след посылать туда только бархат, зеркала, да золотое шитье, нужные одной маленькой кучке людей... речь идет тут не о том, что кажется всего галантейнее и милее избалованным барским глазам, а о том, что в самом деле наше, что национально» («Художественные заметки о политехнической выставке в Москве». — «С.-Петербургские ведомости», 1872, 15 августа и 13 и 21

сентября). С большим ожесточением Стасов обрушился на пренебрежительное отношение к произведениям народного творчества и в своей статье «Наши итоги на всемирной выставке» (1878, см. т. 1), где также этот раздел русского искусства был слабо представлен.

Но статья Стасова «На выставках в Москве» знаменательна не только тем, что она согрета горячей любовью к народному творчеству, к «мужицким» произведениям, которые делаются «в темной избе», руками людей, «весь век проходивших в бедной рубашке или сарафане», любовью к той народной массе, которая несмотря на вековой гнет и насилие сумела в себе воспитать высокое эстетическое чувство. Демократ-просветитель искренне радовался тому, что эта выставка в Москве была оживлена притоками народной массы, что «на выставку нынче ходит сам народ — мужики, бабы, солдаты, фабричные», что эта народная масса сама и по-своему разбирается в многочисленных экспонатах, давая им свою народную оценку. Стасов прислушивается к толкам массы на выставке, желая заглянуть вперед на несколько десятков лет

и понять, «что ему (народу) тогда будет нравиться и чего он будет не выносить и выбрасывать за борт?» «Туда бы, на собрание этой многотысячной толпы! — восклицал Репин, прочитав эту статью Стасова. — Вскочить на стол и сказать громко, откровенно, во всеуслышание: „Долго ли вам еще прозябать в невежестве, рабстве и безысходной бедности!..“ А между тем, — с грустью констатирует Репин, — вместо живого слова, им (народу) раздают бесплатно нелепейшие брошюры, озаглавленные: „Истинная радость!“, „Застигнутые врасплох!“ и т. п. Какие эффектные заглавия и какой дребеденью наполнены!!» (III, 76). В последних словах Репина речь идет о брошюрах религиозно-нравственного содержания.